

Николай Семёнович Лесков

Инженеры-бессребреники

Николай Семёнович Лесков
Инженеры-бессребреники
Серия «Праведники», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174930

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	15
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Лесков

Инженеры бессребреники

Глава первая

В тридцатых годах истекающего столетия в петербургском инженерном училище между воспитанниками обнаруживалось очень оригинальное и благородное направление, которое можно назвать стремлением к безукоризненной честности и даже к святости. Из молодых людей, подчинившихся названному направлению, особенно ревностно ему послужили трое: Брянчанинов, Чихачев и Николай Фермор. Все эти три воспитанника инженерного училища представляют собою очень любопытные характеры, а судьба их имеет общий интерес. Во всяком случае в ней есть многое, что может пригодиться как данные для характеристики тридцатых годов, а также и для уяснения современных разномыслий по поводу мнений о значении школы и о независимости человеческого характера.

Дмитрий Александрович Брянчанинов в указанном направлении был первым заводчиком: он был главою кружка любителей и почитателей «святости и чести», и потому о нем следует сказать прежде прочих. Набожность и благочестие были, кажется, врожденною чертою Брянчанинова. По край-

ней мере по книге, о нем написанной, известно, что он был богомолен с детства, и если верить френологическим системам Галя и Лафатера, то череп Брянчаиннова являл признаки «возвышенного богопочитания».

Он был мальчик с чрезвычайно миловидною и располагающею наружностью, которая при выдержанности его характера и благородстве манер очень сильно к нему располагала. Но Брянчанинов был осторожен с детства; он не доверялся всем ласкам без разбора и вообще держал себя строго.

Так он умел себя хорошо поставить с первого же дня.

Вскоре после принятия его в инженерное училище туда приехал император Николай Павлович, бывший в то время еще великим князем. Он заезжал сюда часто, но на этот раз цель посещения была особенная, а именно «выбор пансионеров».

Николай Павлович имел обыкновение сам выбирать детей в пансионеры своего имени и руководился в этом случае не старшинством баллов приемного экзамена, а личным взглядом, то есть великий князь назначал своими пансионерами тех, кто ему нравился.

Известно, что этот государь очень верил в проницательность своего взгляда и держался так называемых первых впечатлений. Брянчанинов же произвел на него столь благоприятное впечатление, что великий князь не только сейчас же назначил его своим пансионером, но приказал мальчику немедленно одеться и ждать его на подъезде. Отсюда Нико-

лай Павлович взял Брянчанинова с собою в экипаж и, приехав с ним в Аничков дворец, повел его за собою в покои великой княгини, впоследствии императрицы Александры Федоровны.¹

Великая княгиня была тогда в своем кабинете и, сидя за письменным столом, не слыхала, как вошел ее супруг в сопровождении воспитанника Брянчанинова, и не оглянулась на них.

Великий князь взял Брянчанинова за плечо и поставил его за спинкою кресла государыни, а сам тихо обнял супругу и, поцеловав ее в голову, сказал ей по-французски:

– Я привез тебе представить моего нового пансионера. Посмотри на него.

Государыня оборотилась на стуле, посмотрела на мальчика в лорнет и с довольною улыбкой сказала:

– Это прекрасный мальчик.

Вслед затем Брянчанинов был накормлен во дворце сытным завтраком и отпущен в училище, где его ждали и тотчас же подвергли обстоятельным расспросам о том, что с ним было.

Скромный, но правдивый юноша рассказал все по порядку и по правде.

Благоволение великого князя ему послужило в большую

¹ «Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова» говорит, что великий князь *приказал кадету прийти во дворец*, но генерал Пав. Фед. Фермор, товарищ Брянчанинова, помнит, что Николай Павлович *взял Брянчанинова с собою*. (Прим. Лескова.).

пользу.

Начальство училища с этого же дня обратило на Брянчанинова особенное внимание. Характер и способности юноши были изучены и определены в точности, и в первый же раз после этого, когда великий князь спросил:

– Как Брянчанинов?

Ему по сущей справедливости отвечали:

– Он во всех отношениях примерный.

– Очень рад, – заметил с удовольствием Николай Павлович, прозорливость которого в этом случае получала себе приятное ему подтверждение.

– А каковы его наклонности и характер? – продолжал государь.

– Он очень религиозен и отличной нравственности.

– Я очень рад и очень желал бы, чтобы такие же были и другие. Пусть он им служит примером.

Приведенные слова государя моментально сделались известными воспитанникам, и между ними быстро образовался кружок юношей, желавших как можно более подражать Брянчанинову, и Брянчанинов получил в этом кружке значение вождя.

Глава вторая

Особенное благорасположение великого князя оказало свое влияние на Брянчанинова в том смысле, что он вдруг как бы ускоренно созрел и сделался еще серьезнее. Кружок его состоял человек из десяти, и из них особенною дружбой Брянчанинова сразу стал пользоваться Миша Чихачев, которому Брянчанинов и открывал свою душу и заповедные думы, выражавшие его направления и цели.

– Самое главное в нашем положении теперь то, – внушал он Чихачеву, – чтобы сберечь себя от гордости. Я не знаю, как мне быть благодарным за незаслуженную милость великого князя, но постоянно думаю о том, чтобы сохранить то, что всего дороже. Надо следить за собою, чтобы не начинать превозноситься. Прошу тебя: будь мне друг – наблюдай за мною и предостерегай, чтобы я не мог утрачивать чистоту моей души.

Чихачев обещал ему эту помощь.

– Прекрасно, – отвечал он, – я всегда скажу тебе правду, но в этом и не будет надобности, так как ты уже нашел средства спасти себя от соблазна.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ты сам сказал: надо *не начинать*, и если ты никогда не будешь начинать, то оно никогда и не начнется...

– Твоя правда, – ответил, подумав, Брянчанинов, – но...

все-таки наблюдай за мною. Я боюсь, что могу быть втянут на этот путь от тех самых людей, которые должны быть мне примером. Ведь мы «должны быть покорны начальникам нашим»...

– Да, это правда, – ответил Чихачев и тотчас же заметил, что лицо Брянчанинова вдруг как бы озарилось какою-то радостною мыслью, – он взял товарища за обе руки, сжал их в своих руках и, глядя с серьезною восторженностью вверх, как бы читал под высоким карнизом потолка:

– Я вижу одно верное средство для того, чтобы не поддаться опасности соблазна, который представляют люди, и ты, может быть, отгадываешь, в чем оно заключается...

– Мне кажется, что я отгадываю, о чем ты думаешь.

– Я думаю, что надо всегда смотреть на богочеловека.

– Ты прав.

– Поверь – если мы не будем сводить с него наших мысленных глаз и будем стараться во всем ему следовать, то для нас нет никакой опасности. Он нас спасет от опасности потерять себя во всех случаях жизни.

– Верю.

– И вот он с нами, и мы в нем, и он в нас. Мне кажется, я понял сейчас в этих словах новый, удивительный смысл.

– И я тоже.

Товарищи восторженно обнялись и с этой минуты сделались неразрывными друзьями. Дружба их, впрочем, носила особый отпечаток чего-то аскетического. Они дружили для

того, чтобы поддерживать один другого в общем их стремлении уйти от житейских соблазнов к поднявшему их возвышенному идеалу чистой жизни в духе христианского учения.

Глава третья

Из различных путей, которыми русские образованные люди подобного настроения в то время стремились к достижению христианского идеала, наибольшим вниманием и предпочтением пользовались библейский пиетизм и тяготение к католицизму, но Брянчанинов и Чихачев не пошли вослед ни за одним из этих направлений, а избрали третье, которое тогда только обозначалось и потом довольно долго держалось в обществе: это было православие в духе митрополита Михаила. Многие тогдашние люди с благочестивыми стремлениями и с образованным вкусом, по той или другой причине, никак не могли «принять все как в катехизисе», но не хотели слушать и «чуждого гласа», а получали успокоение для своих мучительных противоречий в излюбленных толкованиях и поучениях Михаила. Находить же религиозное примирение с своею совестью – кому не дорого из людей, имеющих совесть? И у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему верными и после того, как в его сочинениях признано было не все «соответственным».

Брянчанинов и Чихачев были из числа больших почитателей преосв. Михаила.² Они внимали и охотно усваивали его

² В книге о жизни Брянчанинова, на стр. 15-й упоминается, что «в то время разнообразные религиозные идеи занимали столицу северную, препирались и боролись между собою», но не показано, как эта борьба касалась Брянчанинова и

религиозные мнения и пошли по его направлению в котором они могли не предаваться чуждому русской натуре влиянию католичества и в то же время не оставаться наедине без всякой церковной теплоты, на что приходилось обрекать себя людям, следовавшим строго пиетистическим традициям.

Оба молодые человека рано стали вести самую воздержную жизнь, разумея воздержность не в одной пище, но главным образом в недопущении себя до гнева, лжи раздражительности, мщения и лести. Это дало их характерам не только отпечаток благородства, но и благочестия, которое вскоре же было замечено сначала товарищами, а потом и начальством, и создало Брянчанинову такое почетное положение среди воспитанников, какого не достигал в инженерном училище никто другой ни до него, ни после него. Ему все верили, и никто не имел случая сожалеть о своей с ним откровенности, но откровенность эта тоже имела особенный, ограничительный характер, отвечавший характеру благочестивого юноши, рано получившего от товарищей прозвище «монаха». Брянчанинову нельзя было говорить ни о каких школьных гадостях, так как он всегда был серьезен и не любил дурных школьных проделок, которые тогда были в большом ходу в закрытых русских училищах. Ни Брянчанинов, ни Чихачев не участвовали тоже ни в каких проявлениях мо-

Чихачева, а не касаться их она не могла. Устные указания на то, что они читали сочинения митрополита Михаила, отнюдь не представляются невероподобными. (Прим. Лескова.).

лодчества и прямо говорили, что они желают не знать о них, потому что не хотят быть о них спрошенными, ибо не могут лгать и не желают ни на кого доказывать. Такая твердая откровенность поставила их в особенное, прекрасное положение, в котором они никогда не были в необходимости никого выгораживать, прибегая ко лжи, и ни на кого ничего не доказывали. Воспитатели знали этот «дух» Брянчанинова и Чихачева и никогда их не спрашивали в тех случаях, когда представлялась надобность исследовать какую-нибудь кадетскую проделку. С откровенностями в этом роде товарищи к Брянчанинову и Чихачеву и не появлялись, но зато во всех других случаях, если встречалось какое-либо серьезное недоразумение или кто-нибудь имел горе и страдание, те смело обращались к «благочестивым товарищам-монахам» и всегда находили у них самое теплое, дружеское участие. К Брянчанинову обращались тоже в случае несогласий между товарищами и его мнение принимали за решение, хотя он сам всегда устранился от суда над другими, говоря: «Меня никто не поставил, чтобы судить и делить других». Но сам он делился с нуждающимися всем, чем мог поделиться.

Чихачев хотя был того же самого духа, как и друг его Брянчанинов, но имел второстепенное значение, с одной стороны, потому, что Брянчанинов обладал более яркими способностями и прекрасным даром слова, а с другой – потому, что более молодой по летам Чихачев добровольно тушевался и сам любил при каждом случае отдавать первен-

ство своему другу.

Влияние их на товарищей было большое; учились они оба прекрасно, и начальство заведения надеялось, что из них выйдут превосходные инженеры. В том же был уверен и великий князь, который «очень желал видеть в инженерном ведомстве честных людей».

Оба друга окончили курс в 1826 году, сохранив за собою свое почетное положение до последнего дня своего пребывания в училище, оставили там по себе самую лучшую память, а также и нескольких последователей, из которых потом вскоре же отличился своею непосредственностью и неуклонностью своего поведения Николай Фермор, о котором расскажем ниже.

Глава четвертая

По окончании кадетских классов в инженерном училище Брянчанинов и Чихачев вышли на вольную квартиру и поселились вместе на Невском проспекте в большом и очень нелепом доме Лопатина. Дома этого теперь уже не существует – он сломан, и по месту, которое занимал его обширный двор, пролегает нынешняя Пушкинская улица.

Удаление из-под надзора, которому друзья подчинялись в закрытом заведении, открыло им большую свободу располагать своим временем сообразно своим стремлениям и вкусам. Они этим и воспользовались. Они повели образ жизни самый строгий – чисто монашеский, – соблюдали постные дни; не посещали никаких увеселений и гульбищ; избегали всяких легкомысленных знакомств и ежедневно посещали церковь. Каждый день они вставали очень рано и шли пешком в Невскую лавру, где выслушивали раннюю обедню, и затем там же пили чай у голосистого иеродиакона Виктора.³ Об этом Викторе сохранилось предание как о монахе очень слабом – он вел самую нетрезвую жизнь и говорил всем гру-

³ Рассказ о близости Брянчанинова и Чихачева с Виктором представляется странным и почти невероятным. Известно, что они ходили в лавру к *духовнику*, и что лица, желавшие отклонить их от набожности, делали в этом направлении большие усилия. Не следует ли думать, что юноши, с своей стороны, старались скрывать, к кому именно они ходили в лавру, а их товарищи думали, что они ходят к веселому Виктору?

бости, но ему все это прощалось за хороший голос и за отменное мастерство руководить исполнителями при торжественных богослужениях. Но как человек он был очень добр, прям и до того откровенен, что не мог нимало покривить душою и притвориться. Такою своею прямою он содержал в постоянном страхе известного Андрея Николаевича Муравьева, которого находил «противным», а его молодых «сенсиров» называл «сквернавцами» и просто выгонял вон.

Помолившись за раннюю обедней и напившись чаю у Виктора, друзья шли в свое инженерное училище, в офицерские классы, где оставались положенное время, а потом уходили домой, скромно трапезовали и все остальное время дня проводили за учебными занятиями, а покончив с ними, читали богословские и религиозные книги, опять-таки отдавая перед многими из них предпочтение сочинениям митрополита Михаила.⁴

Мягкое, миролюбивое, христианское настроение этого писателя оказало чрезвычайно сильное влияние на обоих молодых людей и изменило путь их жизни и деятельности. Первое, чем повредил им Михаил, выразилось тем, что ни Брянчанинов, ни Чихачев не захотели воевать и не могли

⁴ Михаил Десницкий, из студентов Московской академии, был приходским священником, потом придворным священником Зимнего дворца, потом придворным иеромонахом и с 1818 года митрополитом петербургским. Скончался 24-го марта 1821 года. Сочинения его до сих пор многими любимы и высоко ценятся, но они редко встречаются в продаже. Специалисты, впрочем, находили в них большие недостатки. (Прим. Лескова.).

сносить ничего того, к чему обязывала их военная служба, для которой они были приготовлены своим специальным военным воспитанием. Потом они не попадали в общий тон тогдашнего инженерного ведомства, где тогда инспекторствовал генерал Ламновский, имя которого было исторически связано с поставкою в казну мрамора, почему его и звали «мраморным». В инженерном ведомстве многие тогда были заняты заботами о наживе и старались ставить это дело «правильно и братски», – вырабатывали *систему самовознаграждения*.

«Монахи» не хотели ни убивать людей, ни обворовывать государства и потому, может быть по неопытности, сочли для себя невозможною инженерную и военную карьеру и решили удалиться от нее, несмотря на то, что она могла им очень улыбаться, при их хороших родственных связях и при особенном внимании императора Николая Павловича к Брянчанинову. Государь хотя о нем теперь уже не осведомлялся так часто, как прежде, но если бы Брянчанинов захотел, то ему, при его упомянутых родственных связях, всегда было легко напомнить о себе государю, и тот, без сомнения, оказал бы ему свою всесильную помощь. Брянчанинов, однако, этого не только не искал, но даже удерживал родных от всяких о нем забот в этом роде. Он старался держать себя незаметно и скромно и как будто имел на уме что-то другое.

Совершенно так же вел себя и Чихачев. А между тем они оба окончили офицерские классы и были выпущены на

службу: Брянчанинов из верхнего класса в Динабург, а Чихачев из нижнего – в учебный саперный батальон. Тут они на время расстались, и в 1827 году Брянчанинов выпросился в отставку и ушел в свирский монастырь, где и остался послушником. По другим сведениям это было иначе, и это интересно, потому что вторая версия содержательнее и полнее выражает поэтическую борьбу молодых аскетов, как о ней рассказывали в обществе.

По рассказам современников, Брянчанинов и Чихачев колебались уходить из мира в монастырь и решились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружие для настоящих военных действий.

Как только у нас возгорелась война с Турцией, то Чихачев и Брянчанинов оба разом подали просьбы об отставке. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, так как представляло их трусами, но тем не менее они ни на что это не посмотрели и просили выпустить их из военной службы в отставку.

Истинная причина их уклонения от военной службы в прошениях их была не объяснена, но их семейным и друзьям было известно, что она заключалась в том, что они находили военное дело несовместным с своими христианскими убеждениями. Как люди последовательные и искренние, они не хотели не только воевать оружием, но находили, что не могут и служить приготовлением средств к войне. Впрочем, и самое возведение оборон они не усматривали возможности

производить с полной честностью. Им казалось, что надо было «попасть в систему самовознаграждения» или противодействовать тем, чьи приказания должно было исполнять.

Конечно, со стороны молодых людей тут было, может быть, значительное преувеличение опасности, но тогда взятки царили повсюду, и сам государь Николай Павлович, как явствует из многих напечатанных впоследствии анекдотов, находил себя не в силах остановить это страшнейшее зло его времени.

Нашим «монахам» казалось, что служить честно — это значило постоянно поперечить всем желающим наживаться, и надо порождать распри и несогласия, без всякой надежды отстоять правду и не допускать повсюду царствовавших злоупотреблений. Они поняли, что это подвиг, требующий такой большой силы, какой они в себе не находили, и потому они решились бежать.

Борец более смелый еще подрастал.

Глава пятая

Когда государю было доложено, что Брянчанинов и Чихачев подали прошения об отставке, император разгневался и сказал: «Это вздор!» – и их не выпустили. Надо было покориться, но при хороших связях тогда удавалось многое, что для людей обыкновенного положения было невозможно. Через некоторое время, когда войска наши уже двинулись в Турцию, Брянчанинов и Чихачев опять подали вторично просьбы об отставке, но в этот раз прибегнули уже к содействию тех родственных связей, которыми не хотели пользоваться до сей поры для других целей. Связи эти были столь сильны, что дело прошло как-то мимо государя, и Чихачева с Брянчаниновым тихонько выпустили в отставку, «под сурдинкою».

Это было будто бы уже на походе, и молодые друзья должны были отстать от своих частей при пересудах и ропоте своих товарищей, из которых одни им завидовали, как баричам, ушедшим от службы в опасное время, а другие старались дать им чувствовать свое презрение, как трусам.

Друзья предвидели такое истолкование своего поступка и перенесли эти неприятности с давно выработанным в себе спокойствием. В утешение себе они знали, что они не трусы и удаляются от войны не из боязни смерти, а потому они не обижались, а спешили как можно скорее и незаметнее «бе-

жать из армии».

Выход их будто бы в самом деле был похож на побег: об отпуске их из частей старались не говорить – их будто куда-то «послали», и потом они совсем скрылись, избежав, таким образом, еще многих других неприятностей.⁵

Сначала они будто отправились к северу вместе, но на дороге расстались: Брянчанинов поехал в Петербург, где пребывание его казалось очень опасным, потому что он тут беспрестанно рисковал попасть в глаза императору, а Чихачев приехал к своей сестре Ольге Васильевне, по мужу Кутузовой. Он говорил о своем возвращении не много и не ясно, а о дальнейших своих намерениях совсем не говорил ничего. Его находили «странным», как будто потерянным или отрешенным от мира и не предающимся живо ни радостям, ни печалям. Это было очень тяжело видеть в молодом человеке, и семейные Чихачева общими силами старались узнать, «что у него на душе». Одни думали, «влюблен», другим казалось, «замешан», а один родственник с волтерьянскою заправкой уверял, что племянник «помешан».

– На чем?

– Гордец. Хочет быть лучше всех... Набожный чисто-плюй... Пусть мир тонет в смраде греха, а он будет сидеть,

⁵ Эта часть рассказа совершенно несогласна с тем, что читается в жизнеописании Брянчанинова, и предоставляется настоящею легендой, в которой удаление молодых людей от мира желали представить как можно эффектнее. Однако рассказ этот держится в этом виде до сих пор, и ему верят, несмотря на то, что книга передает дело иначе. (Прим. Лескова.).

как дрозд на березке, и свои перышки перечищать носиком... Чистоплюй!

На этого волтерьянца махали рукою, а Чихачев в один прекрасный день пропал из дома.

Мать и сестра его были в отчаянии. Особенно мать, беспокойства которой возрастали от целой тучи предположений и догадок, одна тревожнее другой. Положение было ужасное. Семья и старалась искать беглеца и в то же время боялась, чтобы не распространился широко слух об его исчезновении. Надо было, чтобы это не дошло как-нибудь в Петербурге до государя. Всего ужасно боялись – и надо было бояться. Начались и очень долго продолжались в величайшем секрете большие поиски, в которых принимали участие родственники пропавшего и особенно преданные и доверенные крепостные слуги, – шла, с кем можно, осторожная, но горячая переписка, но все это оставалось без результатов. Спросили даже волтерьянца, но тот вместо ответа посоветовал читать житие Алексея человека божия, так как, по его мнению, Чихачев будто всего вероятнее поревнует примеру этого святого. На «бесчувственного циника» кивали головами, а следов пропавшего беглеца все-таки не находили нигде. Семья и особенно мать переносили тяжкое горе и вдобавок должны были молчать и не показывать вида, что молодой человек пропал, и так продолжалось до тех пор, пока, наконец, он сам объявился в Николо-Бабаевском монастыре на Волге. Волтерьянец угадывал всех ближе к истине: оба друга, Чи-

хачев и Брянчанинов, появились вместе в Бабайки, и тут же оба вместе начали одновременно свой путь в иночестве,⁶ которое было им как бы врожденно и в школе напроорочено.

Где бежавший из имения О. В. Кутузовой Чихачев встретился с появившимся на короткое время в Петербурге Брянчаниновым – это осталось их тайною, которая, может быть, и не представляет ничего особенно интересного, но тем не менее они об этом никогда не говорили. Важен тот факт, как и где началось это «последование Алексею человеку божью» и чем оно разрешилось, представив собою нам два врожденные характера, достопримечательные своею цельностью и последовательностью.

Их не в силах были изменить ни среда школы и ее направление, ни самый лестный фавор, ни строгое осуждение, ни укоризны трусостью как пороком, который должен бы несносно уязвлять благородное чувство, если бы оно не видало себе оправдания в идеале высшем. Пусть, быть может, этот идеал понят и узко, но тем не менее он требовал настоящего мужества для своего целостного осуществления. И у Брянчанинова с Чихачевым не оказалось недостатка в мужестве.

⁶ На самом деле Брянчанинов попал в Бабайки только в конце своей монашеской жизни, а Чихачев был здесь очень короткое время для свидания с другом. (Прим. Лескова.).

Глава шестая

Проходит ряд лет тихих монастырских трудов, и Брянчанинов снова попадает на вид государя. Сделать это решился московский митрополит Филарет Дроздов, которому, конечно, небезызвестно было, что император Николай Павлович не хотел выпускать Брянчанинова в отставку. Напомнить теперь о нем значило привести на память государю всю историю, и он мог спросить: кто и когда выпустил Брянчанинова? Но Филарет все-таки вывел Брянчанинова, приспособленного совсем не к тем целям, к которым его тщательно приготавливало петербургское инженерное училище.

Спустя лет десять, в продолжение которых император Николай Павлович не вспоминал о Брянчанинове и Чихачеве, государь в одну из своих побывок в Москве посетил митрополита Филарета и выражал неудовольствие по поводу событий, свидетельствовавших о большой распущенности в жизни монахов. Митрополит не возражал, но сказал, что есть теперь прекрасный игумен, настоящий монах, на которого можно положиться, и с ним можно будет многое поочистить и исправить в монастырях.

- Кто этот редкий человек? – спросил государь.
- Игнатий Брянчанинов.
- Брянчанинов? Я помню одного Брянчанинова в инженерном училище.

– Это тот самый и есть.

– Разве он пошел в монахи?

– Он уже игумен.

– Да, я помню, он и в училище еще отличался набожностью и прекрасным поведением. Я очень рад, что он нашел свое призвание и может быть полезным для управы с монахами. Они невозможны.

– Отец Игнатий уже привел несколько монастырей в отличный порядок.

– В таком разе, если он у вас уже привел в порядок, то я попрошу вас теперь дать его мне, чтобы он мне поочистил хоть немножко мою петербургскую Сергиевскую пустынь. Там монахи ведут себя так дурно, что подают огромный соблазн.

– Воля вашего величества будет исполнена, и я твердо надеюсь, что Игнатий Брянчанинов окажется полезным всюду, куда вам угодно будет его назначить.

– Очень рад, но жалею, что он один такой: один в поле – не воин.

– С ним есть его друг – такой же строгий монах – Чихачев.

– Ба! Чихачев! Это тоже из той же семьи – мой кадет.

– Точно так, ваше величество.

– Ну так и прошу перевести их вместе.

Брянчанинов приехал игуменом в Сергиевскую пустынь и привез с собою друга своего Чихачева, который был с этой поры его помощником, и оба они начали «чистить» и «под-

тягивать» Сергиевских монахов, жизнь которых в то время действительно представляла большой соблазн, легендарные сказания о коем и до сей поры увеселяют любителей этого жанра.⁷

Последующая духовная карьера Игнатия Брянчанинова известна. Он был епископом без образовательного ценза и имел много почитателей и много врагов.

Чихачев не достиг таких высоких иерархических степеней и к ним не стремился. Ему во всю жизнь нравилось тихое, незаметное положение, и он продолжал тушеваться как при друге своем Брянчанинове, так и после. Превосходный музыкант, певец и чтец, он занимался хором и чтецами и был известен только в этой области. Вел он себя как настоящий инок, никогда, впрочем, не утрачивая отпечатка хорошего общества и хорошего тона, даже под схиною. Схиму носил с редким достоинством, устраняя от себя всякое покушение разглашать что-либо о каких бы то ни было его особых дарах.

Даже набожные дамы, создающие у нас репутацию святых и чудотворцев при жизни, ничего особенного о Чихачеве внушать не смели. Он ни предсказаний не делал, ни чудес не творил.

Музыкальные и вокальные способности и познания Чихачева до некоторой степени характеризуются следующим за достоверное сообщаемым случаем: одна из его родственниц,

⁷ На это есть и указания в «Жизнеописании» (стр. 66 и 67). (Прим. Лескова.).

Мария Павловна Фермор, была замужем за петербургским генерал-губернатором Кавелиным. Чихачев нередко навещал ее. Однажды, когда он сидел у Кавелиной, к ней приехал с прощальным визитом известный Рубини. Кавелина, знакомя встретившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачев – ее дядя и что он хотя и монах, но прекрасно знает музыку и обладает превосходным голосом.

– Но вас он никогда не слышал, – добавила Мария Павловна.

– Почему же это так?

– Это потому, что у нас духовные лица не могут ходить в театры.

– Какая жалость, – отвечал Рубини, – музыка возвышает чувства, и театр может наводить на очень глубокие размышления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.